

Нед Вуззину

Нед Виззини

ЭТО ОЧЕНЬ
ЗАБАВНАЯ ИСТОРИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44
В42

Ned Vizzini
IT'S KIND OF A FUNNY STORY

Печатается с разрешения литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC
и Andrew Nurnberg

Виззини, Нед.

В42 Это очень забавная история: роман / Нед Виззини; пер. с англ. А. Зверевой. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-17-113700-7

Амбициозный подросток Крэйг Гилнер намерен добиться в жизни больших успехов. Для этого он должен поступить в лучшую школу, чтобы потом попасть в лучший университет и получить лучшую работу. Однако, сдав на отлично вступительный экзамен в Манхэттенскую академию, парень сталкивается с непомерной учебной нагрузкой. Он перестает есть и спать, теряет веру в себя и разочаровывается в жизни.

Чтобы пережить кризис, Крэйг отправляется в психиатрическую больницу, где его соседями по отделению становятся весьма колоритные личности. Здесь парень найдет необходимую ему поддержку и даже встретит любовь, посмотрит на свои проблемы под другим углом и обретет смысл жизни.

Нед Виззини, который сам провел время в психиатрической больнице, создал удивительно трогательную историю о неожиданном пути к счастью.

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-113700-7

Text copyright © 2006 by Ned Vizzini
© А. Зверева, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается моей маме.

Я рано или поздно посвятил бы тебе одну из книг.

Но что-то они даются мне не так просто,

так что я подумал, лучше уж рано.

С любовью, Нед

**часть первая
где я нахожусь**

один

Когда хочешь покончить с собой, слова даются ой как непросто. Это влияет на все, но не в психическом смысле, нет, ощущение вполне физическое: тебе физически тяжело открывать рот и произносить слова. Ты не можешь подумать и произнести что-то как нормальный человек: слова лезут кусками, как будто их перемололи в измельчителе для льда, они скапливаются во рту за нижней губой, и ты спотыкаешься о них. Лучше уж помалкивать.

— А вы замечали, что во всех рекламных роликах люди смотрят телик? — спрашивает мой друг.

— Не гони, — возражает второй.

— Да нет, точняк, — подтверждает третий. — В них постоянно кто-то сидит на диване, только если это не ролик про аллергию — и тогда они в поле...

— Или скачут по пляжу на лошади.

— Не, это в рекламе лекарств от герпеса.

Мы смеемся.

— Да как вообще можно сказать кому-то, что у тебя герпес? — говорит Аарон, дома у которого мы зави-саем. — Представляете эту дичь: «Слушай, пока мы не начали, я должен сказать...»

— А ваши мамки вчера ночью не возражали!

— О-о-ой!

— Да ты офигел, пацан!

Аарон тычет кулаком в задиру Ронни. Тот маленького роста и обвешан цацками. По его словам, «начни носить украшения — потом не остановишься». Ронни бьет в ответ, и пузатый золотой браслет на его руке с громким звоном стучается о часы Аарона.

— Э, парень, ты что, золотишко мое попортить хочешь? — Ронни трясет запястьем, а потом переключается на курение косяка.

У Аарона всегда есть травка. У него комната с отдельной вентиляцией и запирающейся дверью в соседнее помещение, которое его родители сдают жильцам как отдельную квартиру. На всех выключателях красуются грязные потеки, а покрывало на кровати — в черных кругах. Пятна и разводы на нем тоже есть, блестящие такие, говорящие об определенных занятиях, которым предаются Аарон и его подружка. Я смотрю на пятна, потом на парочку — и ревную. Но потом вспоминаю, что на ревность мне уже плевать.

— Будешь, Крэйг?

Мне дают косяк, свернутый из рекламного листка службы доставки, но я передаю его дальше. Я провожу эксперимент. Проверяю, не в травке ли все дело: может

быть, это она пришла и поработила меня. Я частенько так делаю: по несколько недель не курю, а потом выкуриваю сразу целую кучу травы, просто чтобы проверить, а вдруг дело как раз в воздержании.

— Ты как, чувак? Порядок?

Меня могли бы так называть. Типа такой супергерой: «Чувак-Порядок».

— Э-э-э... — торможу я.

— Не цепляйся к Крэйгу, — говорит Ронни. — Он на своей волне. На волне Крэйга. Он крэйгует.

Я собираюсь с силами, привожу в действие необходимые мышцы и выдаю с улыбкой:

— Ага, просто я... типа... ну...

Видите, что происходит со словами? Они отказываются иметь дело с губами и уходят.

— У тебя все нормально? — спрашивает большеглазая красотка Ниа.

Ниа — девушка Аарона. Она постоянно к нему прирагивается. Вот и сейчас она сидит на полу возле его ноги.

— Все отлично, — говорю я.

Она отворачивается обратно к телику, и голубое свечение экрана отражается в ее глазах. Мы смотрим документалку про океанские глубины.

— Вот ни фиги себе, вы только поглядите! — говорит Ронни, выдыхая и снова втягивая в себя дымок. Как вообще он это делает?

На экране появляется полупрозрачный осьминог с гигантскими ушами, парящий в воде в холодном свете батискафа.

— Ученые в шутку назвали этого осьминога Дамбо... — вещает диктор.

Ха, а вот и мой секрет: я хотел бы быть осьминогом Дамбо. Приспособленный к ледяному холоду океанских глубин, я бы спокойно плавал туда-сюда. Самой большой заботой в моей жизни было бы, какую дрянь подобрать со дна, чтобы прокормиться. Что не слишком-то отличается от моих нынешних проблем. Зато у меня не было бы естественных врагов. Впрочем, у меня и сейчас их нет, а что толку? И тут меня осеняет: я хотел бы жить под водой, как осьминоги.

— Я сейчас, — говорю я, поднимаясь со своего места на диване, которое тут же занимает Скраггс, сидевший до этого на полу.

— Встал — место потерял! — поспешно говорит он. — Ты не сказал «не занимать».

— Не занимать! — пробую я.

— Поздно.

Я пожимаю плечами и, минуя сваленную в кучу одежду и вытянутые ноги, пробираюсь к светло-коричневой двери, похожей на вход в квартиру с улицы. За дверью направо — теплая ванная.

С ванными комнатами у меня особые отношения. Я провожу в них кучу времени. Это убежища, общественные места покоя для таких, как я, разбросанные по всему миру. Заскочив в туалет Аарона, я следую при-

вычному ритуалу по убиванию времени. Первым делом выключаю свет. Глубоко вздыхаю. После этого поворачиваюсь лицом к двери, которую только что закрыл, спускаю штаны и падаю на унитаз — не сажусь, нет, а падаю, как труп, чувствуя, как задница встречается с ободком. Потом я роняю голову на руки, выдыхаю и, это, ну, отливаю. Я всегда стараюсь получать от этого удовольствие, прислушиваюсь, как из меня вытекает, понимаю, что мое тело справляется с чем-то, что должно делать, вроде питания, с которым у меня не очень получается. Поэтому я прячу лицо в ладони и мечтаю, чтобы это вытекание продолжалось вечно, потому что это так приятно. Ты это делаешь — и оно делается. Не нужно прилагать никаких усилий или думать, как бы к этому подойти или отложить на потом. Если не можешь отлить — это же просто капец. Типа анорексии, только с мочой. Вроде как держишь ее внутри, чтобы наказать себя. Интересно, кто-нибудь так делает?

Я заканчиваю и, так и не поднимая головы, спускаю воду, нащупав кнопку сзади. Потом встаю и включаю свет. Интересно, кто-то заметил, что в щели под дверью не было света и я сидел в темноте? Видела ли Ниа?

Смотрюсь в зеркало. Выгляжу я совершенно обычно. Так же, как выглядел до прошлой осени. Темные волосы, темные глаза, один кривой зуб, сросшиеся на переносице густые брови и длинный, немного перекошенный нос. Расширенные зрачки — это у меня от природы, а не из-за травмы — растворяются в темно-коричневых радужках, делая мои глаза похожими на блюда: такие

отверстия внутрь меня. Над верхней губой — отдельно торчащие клочки волос. Это и есть я, Крэйг.

Вид у меня всегда такой, будто я сейчас расплачусь.

Я включаю горячую воду и, чтобы почувствовать хоть что-то, плещу на лицо. Через несколько секунд мне придется выйти отсюда к людям. А так хочется еще немножко посидеть в темном туалете. Я всегда растягиваю поход в туалет минут на пять.

два

— Как твои дела? — спрашивает доктор Минерва.

В ее кабинете, как и у всех мозгоправов, стоит книжный шкаф. Раньше я не хотел называть их мозгоправами, но мне кажется, что после всего случившегося у меня есть на это право. Так психологов называют взрослые, причем неуважительно, а я почти взрослый и никого не уважаю, так что — какого черта?

Короче, как у всех мозгоправов, у нее в этом кабинете есть книжный шкаф, забитый соответствующей литературой. Самая важная книжка, и толстенная такая, — «ДСР, или Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам»: в нем перечислены все известные науке психические заболевания — занятное, я вам скажу, чтиво. У меня, конечно, не все собранные там болезни, а только одна, зато серьезная, но я знаю обо всех, потому что полистал книгу. Чего там только нет. Например, «синдром проклятия Ундины». Это когда организм утрачивает способность к произвольному дыханию. Представляете?